

Родовая символика платка в русской культуре

Вайрах Юлия Викторовна^{1,*}
Казорина Анна Владимировна²

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6751-8539>

*Автор-корреспондент: vayrakh@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется символика платка в языковой картине мира, раскрывается лингвокультурная природа платка по отношению к родителям, народу, родине. В работе осмыслены символические связи макроконцепта род и образа платка как национального символа, обладающего многослойностью семной структуры. Символические связи макроконцепта род и образа платка проявляются в общей структуре образности текстов. Цель исследования: выявить символические значения образа платка. Определение символических признаков макроконцепта род осуществляется с помощью комплекса методов: концептуального, интерпретативного, дескриптивного. Нами анализируется символический план образа-символа “платок” на основе выделенных репрезентантов макроконцепта род.

Ключевые слова: языковая картина мира, макроконцепт, символ, образ, платок, род, родина, народ

The generic symbolism of the scarf in Russian culture

Iuliia Vairakh^{1,*}
Anna Kazorina²

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6751-8539>

* Corresponding author: vayrakh@yandex.ru

Abstract: The article explores the symbolism of the headscarf in the linguistic picture of the world, reveals the linguocultural nature of the headscarf in relation to parents, people, and homeland. The paper analyzes the symbolic connections of the macroconcept genus and the image of the headscarf as a national symbol with a multi-layered seme structure. The symbolic connections of the macroconcept gender and

the image of the headscarf are manifested in the general structure of the imagery of the texts. The purpose of the study: to identify the symbolic meanings of the image of a scarf. Determination of the symbolic features of the macroconcept genus is carried out using a set of methods: conceptual, interpretive, descriptive. We analyze the symbolic plan of the image 'handkerchief' on the basis of the selected representatives of the macroconcept genus.

Keywords: *language picture of the world, macroconcept, symbol, image, scarf, family, homeland, people.*

Самобытность русской национальной культуры проявляется в особенностях национального сознания, отражающих мировидение человека. Важной частью самоидентификации является одежда, транслирующая ценности народа, его понимания социальных установок общества и необходимости соблюдать обрядовую традицию. Во многих культурах существовало представление о том, что необходимо использовать покров в различных обрядовых сценариях как своего рода границу между “своим” “чужим” в широком понимании этого контекста. Так, когда человек рождался, его оборачивали в полотенце родителей, материнский платок; голову невесты обязательно покрывали, платок накидывали на зеркало и т.д. Вслед за М.В.Пиленовой в нашем исследовании макроконцепт понимается как “сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями” (Пиленова 2021, 32).

В исследованиях М.В.Пиленовой дается описание символических признаков макроконцепта род в русской лингвокультуре (Пиленова 2021, 33). М.В.Пиленова считает, что “в мотивирующих признаках репрезентантов концептов уже заложен символ, т.е. символ в структурах таких концептов – не заключительный этап, а исходная точка” (Пиленова 2011, 65). По В.В.Колесову “Концептум как составная часть концепта порождает образ концептума, символ образа и понятие символа, следовательно, концепт, представленный как понятие, является всего лишь результатом последовательного накопления содержательных форм концепта-образа, символа и собственно понятия” (Колесов 2018, 438). Ю.М.Лотман приводит следующее определение: символ – знак, значением которого является некий знак другого ряда или другого языка (Лотман 1987, 86). Наше исследование образа-символа “платок” опирается на принципы анализа макроконцепта, изложенные в работах М.В.Пиленовой и Санкт-Петербургско-Кемеровской школы концептуальных исследований.

Разгадать национальный символ не так просто, и в этом помогает исследование народной речи, фольклора. Языковая картина мира народа возникает стихийно и отражает средствами языка культурные особенности языковой общности. Женский русский национальный костюм традиционно включает головной убор “платок”, которому не одно поколение приписывает сакральные, обережные функции рода. Из-за того, что часть информации утрачена или не полностью восстановлена, платок наделяется свойствами охраны рода, родителей, детей, народа. И.А. Кузьмина в концептуальной структуре «платка» выделяет несколько слоев “актуальных компонентов: материального, духовного и внутреннюю форму” (Банкова 2008, 7).

Исследователь Т.Б.Банкова образ-символ “платок” считает семейным образом,

который сопровождает родовые сценарии наравне с “печью”, “полотенцем”, “веником” и др. Она подчеркивает, что ситуативно-сакральные элементы становятся предметами, которые, “вплетаясь в ткань обряда, ... уже имеют множественную обрядовую семантику” (Банкова 2008, 7). О.А.Седакова видит в символе-образе “платок” магический потенциал, культовый, в связи с чем этот образ приобретает “традиционное мифологическое значение” (обувь, пояс, мизинец, веник, дом, платок...). Самипо себе подобные предметы представляют собой скрытый мифо себе самих (Седакова 2004, 145). В работах К.Леви-Стросса они называются мифемами: “слова с двойным значением, слова слов, одновременно функционирующие в двух планах – в плане языка, где они сохраняют свое лексическое значение, и в плане метаязыка, где они выступают в роли элементов вторичной знаковой системы, которая способна возникнуть лишь из соединения этих элементов” (Леви-Стросс 2001, 451). Слово-мифема называет предмет обыденного мира в контексте обряда и приобретает стереотипные значения, восходящие к архаическому сознанию.

Выступая элементом русского национального костюма, платок первоначально был цельным куском полотна. Русские люди наделяли нить, из которой соткан плат, соткано полотенце или полотно, особыми свойствами и относились к нитке, особенно из льна, благоговейно, с почтением. Нить была олицетворением судьбы, жизни, доли, что дает отсылку к образам прях у мирового древа (болгарских орискиц, сербской Сречи, которая прядет золотую нить). Славяне считали пряхами, плетущими нить судьбы, Богородицу, св. Варвару, Параскеву Пятницу. К низшим существам-пряхам относили Кикимору, которая наказывала прях, оставивших не убранную на ночь кудель или прядущих в праздник. Изготовленная в Великий четверг оборотная нить считалась оберегом (Шапарова 2001, 231). Прясть нить судьбы своего рода священный акт, что “в славянской традиции приравнено к творению жизни и воспроизводству потомства” (Валенцова 2004, 328).

Переплетение продольных и поперечных нитей народным сознанием воспринимается как защитный орнамент или оберег. “В пересечении этих нитей устанавливается бесконечно повторяющийся ритм, который сам по себе является знаком бессмертия... В то же время это ритм креста, который является древнейшим символом всеохватности мира на четыре стороны” (Зуйкова и Привалов 2013, 451). Крест в переплетении нитей возникает неслучайно, так как крест считался древнейшим обозначением солнца. Солнце у славян с давних пор связано с женским божеством плодородия. На голове у Макоши изображен круглый солнечный ореол, руки ее опущены – таким образом она всегда изображалась в дни летнего солнцестояния, когда созревают колосья злаков (Рыбаков 1994, 521). Солнечная богиня изображается в блестящем ореоле, а ее лик находится в обрамлении светящихся серебряных нитей, которые символизируют тепло и свет, излучаемые этой богиней. Осмысление бесконечного ритма жизни сотканного полотна становится причиной сакрализации платка не только в молитвенной традиции авраамических религий, но и в народной культуре разных этносов.

На Троицу и на седьмую неделю после Пасхи (Семики) платок становится главным предметом культа березки, молодого деревца, которое срубали и украшали цветами, наряжали в платье и обязательно покрывали шалью. В конце

праздника дерево либо закапывали, либо топили, что символизировало дальнейшее плодородие и счастье. В троицких песнях появляется образ платка как предмета, зазывающего подруг в хоровод: “Александровска береза, береза, среди кружочка стояла, стояла... она кольцами брякала, брякала, шелковым платком махала, махала...” (Шапарова 2001, 203).

Вертикальная модель “верх – середина – низ” в русской языковой картине мира имеет центр. “Центральной осью, центром мира и мироздания в целом является мировое дерево или древо жизни” (Топоров 1980, 398). Образ мирового древа соединяет вертикальные и горизонтальные пересечения судеб, дорог. “В русских заговорах мировое дерево помещается на острове среди океана (пуповине морской), где на камне Алатыре растёт “булатный дуб” или священное дерево кипарис, береза или яблоня. В ветвях и на вершине дерева обитают божества и святые. В корнях мирового дерева (в нижнем мире) обитают демонические и хтонические существа – прикован бес, живет змея Шкурупя, плавают водоплавающие птицы, которые могут обитать во всех трех мирах” (Петрухин 2004, 253). Священным деревьям поклонялись как когда-то поклонялись мировому дереву. “Болящие приносили дары этим деревьям, поклонялись им, молились” (Голубкова 2009, 39). На деревьях оставляли узелки памяти: кресты, образки. “Вокруг дерева иногда “венчали” молодых (или предваряли этим церковный обряд венчания). Во время обхода полей с крестным ходом священник с прихожанами совершали возле священного дерева (обычно дуба или плодового дерева) молебен от града и засухи, здесь же устраивали праздничные трапезы, жгли костры на масленицу; вблизи священного дерева освящали воду, крестили детей, давали клятвы и устраивали суды” (Шапарова 2001, 229).

В русской народной традиции обязанностью матери является ее функция берегини, охраны детей, рода от трудностей и невзгод. Материнский платок наделялся сакральными свойствами, потому что любовь матери и ее слово обладало магическим действием. В русской традиции мать могла сделать ребенка счастливым, удачливым только при условии, если он получал материнское благословение или родительское благословение. Сын или дочь получали благословение перед опасным, трудным и важным делом, перед вступлением в брак, уходом на военную службу и т.п. Обережными функциями наделялись различные предметы, полученные от матери: узелок с родной землей, богородичная иконка, крестик, полотенце, платок. Материнским платком закрывали лицо от холода и чужих глаз, например, Ребятишки, закутав лица **материнскими платками** и шальями, тянулись к школе, и было трудно узнать, мальчишка это или девчонка (Мусатов 1960). Материнский платок был оберегом, талисманом сына-солдата на войне, например, Процевид через **материнский платок** эту воду, он выпил ее, при этом я вспомнил его фронтовые рассказы, где было и не такое, понял, что он рассказывал правду (М.И.Саитов. 2010).

Платок использовался как головной убор девушки или женщины: устойчивость такого понятия, как “опростоволоситься”, т.е. нарушить нормы поведения, предписанные женщине, говорит о необходимости головного платка как покрова. Требование носить платок связано с верой в магическую силу женских длинных

волос, которые обязательно должны быть заплетены у девушки или полностью скрыты у замужней женщины. В свадебном обряде Сибири, который сохранялся во многих деревнях до 20-30-х годов XX века, а на севере до 1950-х годов, невеста, закрытая платком ждала подруг на косокрашение (украшение косы): “Во время сбора гостей невеста сидела в кути, закрывшись большим платком, и плакала” (Банкова 2008, 228). Во время расплетания косы причитания невесты часто содержали упоминания платка-повойника: “шелковую ленту выплетут, на две косыньки все разложат, повойник платок мне наложат!” (Банкова 2008, 228).

При этом в причитаниях невесты сохранился образ не платка, а платья цветного или светлого: “.. не приму я платье цветное, не приму я подвенешного” (сост. Р.П.Потанина 1981, 106); “Во светло платьице снаряжалася, я садилась на дубовую на лавочку...”; “принесли ли эти друженьки... подвенечное цветное платьице...” (сост. Р.П.Потанина 1981, 108). Платок в обрядовой песне заменяется накидкой (“принесли ли эти друженьки... мне накидку канфовую” (Банкова 2008, 108), косынкой или епаничкой (“Во всем ли наряде, Во матерьевом ли платье, Во гласевой ли косынке, Во штофной ли епаничке?” (сост. Р.П.Потанина 1981, 108), шалью (“износила ли много лопоти, платье светлое, шаль атласную?” (сост. Р.П.Потанина 1981, 101).

Шаль или платок в свадебном обряде выполняет функцию покрыва, занавеса. Невеста, покрытая платком, идет в баню после расплетания косы, во время обряда окручивания (посвящения молодой в сан женщины) невесту перед зеркалом закрывали платком, заплетали две косы, а на уложенные косы надевали кичку и покрывали платком. (сост. Р.П.Потанина 1981, 215). Кичка требовала внимательного отношения к деталям изготовления. Кроме того, существовали правила, как ее нужно носить, например, “Завершается надевание кички платком, который покрывает женский головной убор. Этот платок в Сибири назывался барсовым: “Барсовые платки были красивые! Ой, чё были! Голубые, помню, чёрные были, такие всё. Это чёрный там он, сам чёрный, а эти голубая... голубые цветы или там красные цветы на ём. Барсовый, тоненький-тоненький”” (Афанасьев 1865, 210).

Платок символизировал обретение невестой нового статуса. После расплетания косы по обычаям северных сибирских деревень шел обряд одаривания подружек невесты. Под песню “Я раздам свою девью красоту” невеста принимает шкатулку с подарками от жениха, в которой лежат чулки, платок, шаль, ботинки и др., а также ленты для подруг (т.е. девья краса). Платок и шаль, подаренные невесте женихом, определяли ее новый статус. Платок или платочек (иногда вышитое полотенце – ширинка) символизировали связь жениха и невесты: после выкупа места возле невесты жених подавал невесте платочек, который она берет за один угол, а жених – за другой и выводит невесту из избы по песни подружек (сост. Р.П.Потанина 1981, 277).

Платок используется и в других ритуалах. Традиционно принято махать платком при встрече, когда видишь человека, например, И махать платком, чтоб я тебя издали увидел (В.Ф.Панова. Который час? Сон в зимнюю ночь (1941-1963). Махать платком на прощание – значит желать уходящему или уезжающему легкой дороги (скатертью дорога). В обрядовых календарных песнях Сибири платок

упоминается во время колядования (сост. Ф.Ф.Болотнев 1997). В песне “По-за садом, садом дорожка лежала...”: “Девчонка стояла, платком машила, э-ей, машила, платочком машила, Все Бога просила...” (Афанасьева-Медведева 2018, 62). В тексте махание платком является ритуалом зазыва суженого.

Заключение. Таким образом, родовая символика платка включает и обряды, связанные с рождением ребенка, с венчанием, а, следовательно, с идеями плодородия, изобилия, благопожелания. Образ-символ платка связан со Вселенной, так как актуализирует образ небесных прях (Богородицы, св. Варвары, Параскевы Пятницы), то есть верхнего мира, наполненного небесными и солнечными символами. Связь с нижним миром у платка обнаруживается с образом Кикиморы, обрядами колядования. Платок имел огромное нравственное значение, был связан с выражением нравственной чистоты, порядочности женщины, был скорее чем-то незыблемым, консервативным, потому что закрывал красоту женщины, скрывал ее от мира.

Литература

- Афанасьев, А.Н. 1865. *Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1.* Москва.
- Афанасьева-Медведева, Г.В. 2018. *Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Т. 20.* Иркутск.
- Банкова, Т.Б. 2008. “Слова-мифемы в сибирском семейном обряде.” *Вестник Томского государственного университета № 314.*
- Валенцова, М.М. 2004. “Пряжа.” *In Славянские древности: Этнолингвистический словарь, Т. 4.,* Под ред. Н.И. Толстого. Москва: Междунар. отношения.
- Голубкова, О. В. 2009. *Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров.* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Зуйкова, С.А., Привалов, И.В. 2013. *Волшебное полотно. Полотно, полотняная набойка и полотняная кукла в русской культурной традиции: Методическая разработка музейного занятия.* Москва: МГОМЗ.
- Колесов, В.В. 2018. “«Первосмысл» концепта.” *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Т. 15. Вып. 3.*
- Леви-Стросс, К. 2001. “Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа.” *Семиотика. Антология.* Москва, Академический Проект: Екатеринбург: Деловая книга.
- Лотман, Ю.М. 1987. “Символ в системе культуры.” *Семиотика: Труды по знаковым системам: Символ в системе культуры. Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, Вып. 754.*
- Петрухин, В.Я. 2004. “Мировое дерево.” *Славянские древности: Этнолингвистический словарь, Т. 3.,* Под ред. Н.И. Толстого. Москва: Междунар. отношения.

- Пименова, М.В. 2011. “Символические концепты как часть концептуальной системы (на примере концепта творчество).” *Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: памяти проф. Евгения Александровича Пименова: сб. ст. / отв. ред. М.В. Пименова.* – М.: ИЯ РАН.
- Пименова, М.В. 2021. “Символический макроконцепт «род» в русской лингвокультуре Общество, язык и культура XXI века.” *Материалы XXXVIII Международной научной онлайн-конференции, посвящённой 25-летию юбилею Кыргызско-Турецкого университета «Манас». Сер. «Концептуальный и лингвальный миры» Том Выпуск 20.* Санкт-Петербург-Бишкек.
- Рыбаков, Б.А. 1994. *Язычество древних славян.* Москва: Наука.
- Седакова, О.А. 2004. *Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян.* Москва: Индрик.
- сост. Р.П. Потанина. 1981. *Обрядовые песни русской свадьбы Сибири.* Новосибирск: Наука.
- сост. Ф.Ф. Болотнев, Мельников, М. Н., Леонова, Н. В. 1997. *Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры.* Новосибирск: Наука, Сиб. Предприятие РАН.
- Топоров, В. Н. 1980. “Древо мировое.” *Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. Т. 1.* Москва: Наука.
- Шапарова, Н. С. 2001. *Краткая энциклопедия славянской мифологии.* Москва: АСТ: Астрель: Рус. словари.